Бар. А. Нольде.

КЪ ИСТОРІИ

СОСТАВЛЕНІЯ ПРОЕКТА

„Свода степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1911.

2007041691

Къ исторіи составленія проекта «Свода степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири».

О работахъ по составленію Степного Свода въ ученой литературѣ имѣются только очень краткія и отрывочныя свѣдѣнія [1]). Объясняется этотъ пробѣлъ крайней рѣдкостью печатныхъ изданій, относящихся къ Своду, экземпляры которыхъ имѣются въ очень немногихъ книгохранилищахъ и притомъ въ разрозненномъ видѣ. А съ другой стороны, нѣкоторые рукописные матеріалы, собранные въ связи съ работами по своду, опубликованы и стали уже достояніемъ науки [2]). Поэтому не безъинтересно, хотя бы и не вдаваясь въ подробности, остановиться на внѣшнемъ ходѣ работъ и прослѣдить отдѣльныя ихъ стадіи; благодаря этому можетъ быть выяснена связь между доступными матеріалами

[1]) Очень краткія свѣдѣнія о Сводѣ степ. Зак. имѣются у С. В. Пахмана, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II, стр. 479 и 480. Заключительныя стадіи работъ не изложены и у Пахмана.

[2]) См. указанный ниже Сборникъ обычаевъ сибирскихъ инородцевъ, изд. проф. Д. Я. Самоквасовымъ. О связи этихъ опубликованныхъ собраній съ работами по Степному Своду въ предисловіи къ Сборнику приведены очень неопредѣленныя указанія. Отсутствіе хотя бы краткаго обзора исторіи составленія Степного Свода сказывается и на рецензіи, написанной на этотъ сборникъ проф. Кистяковскимъ (Кіев. Универс. Извѣстія 1876 г. № 6 стр. 228 и слѣд. см. особенно 236).

и даже, до нѣкоторой степени, и внутренняя ихъ цѣнность [1]).

Идея составленія Степного свода возникла въ связи съ тѣми преобразованіями управленія Сибири, которыя были предприняты въ началѣ двадцатыхъ годовъ подъ вліяніемъ Сперанскаго, бывшаго въ то время сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Обозрѣвъ устройство сибирскихъ губерній, Сперанскій представилъ Государю въ 1821 году обширный отчетъ о всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ и составилъ проектъ новой организаціи этой окраины, въ которомъ со свойственной ему логичностью и послѣдовательностью разработалъ основныя черты ея новаго устройства. Для разсмотрѣнія отчета и проэктовъ Сперанскаго въ Петербургѣ былъ учрежденъ особый «Сибирскій комитетъ» [2]), который и впослѣдствіи—до 1838 года—обсуждалъ вообще всѣ мѣропріятія, касающіяся Сибири.

Въ числѣ прочихъ положеній, касающихся управленія Сибири, Сперанскимъ былъ выработанъ и уставъ объ инородцахъ, утвержденный (по разсмотрѣніи въ Сибирскомъ комитетѣ) 22 іюля 1822 года (П. С. З., № 29126). Согласно первой статьи этого устава, всѣ инородцы раздѣлены на три группы—осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ (или ловцовъ). Для этихъ послѣднихъ группъ оставлены въ силѣ (§ 68 Устава) ихъ собственные степные законы и обычаи.

[1]) Источникомъ дальнѣйшаго изложенія являются дѣла бывш. II Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, хранящіяся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, и печатное, крайне рѣдкое «Обозрѣніе Историческихъ свѣдѣній о Сводѣ степныхъ Законовъ». Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ниже въ текстѣ не приведено особаго источника, данное свѣдѣніе заимствовано изъ обширнаго дѣла б. II Отдѣленія 1836 г. № 38-а. О судьбѣ аналогичной попытки кодифицировать калмыцкое право (въ Астраханской губерніи) см. работы проф. Леонтовича. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ (2 т.).

[2]) Комитетъ былъ учрежденъ указомъ 28 іюля 1821 года для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго (П. С. З. № 28706); 26 января 1822 г. въ него переданы всѣ вообще сибирскія дѣла. Обстоятельныя свѣдѣнія о планахъ Сперанскаго и ихъ осуществленіи имѣются въ работѣ С. Прутченко «Сибирскія окраины», СПБ. 1898 г. (2 т.).

Но въ виду того, что обычаи эти различны въ каждомъ племени, а также сбивчивы и неопредѣленны, будучи сохраняемы лишь въ изустныхъ преданіяхъ, то §-мъ 68 предоставлялось «мѣстному начальству отъ почетнѣйшихъ людей собрать полныя и подробныя о сихъ ихъ законахъ свѣдѣнія, разсмотрѣть оныя по губерніямъ въ особыхъ временныхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими установленіями и, расположивъ въ надлежащемъ порядкѣ, представить мѣстному Главному Управленію на утвержденіе». Этотъ сводъ предполагалось напечатать на русскомъ языкѣ и въ переводѣ на какое нибудь мѣстное нарѣчіе (§ 69) и представить въ Правительствующій Сенатъ; кодифицированные такимъ путемъ обычаи должны были оставаться безъ всякихъ измѣненій, пока съ перемѣной образа жизни и степени образованія инородцевъ не будетъ надобности измѣнить образъ ихъ управленія (§ 71).

Такихъ кочевыхъ инородцевъ въ тридцатыхъ годахъ въ общемъ насчитывалось свыше 350,000, а именно: 165,000 бурятъ, 11,000 тунгузовъ, 154,000 якутовъ и 22,000 различныхъ племенъ енисейскихъ [1]).

Согласно съ этими статьями устава, сибирскій генералъ-губернаторъ Лавинскій въ 1823 году образовалъ комитеты, поручивъ имъ заняться собраніемъ мѣстныхъ обычаевъ и вообще матеріаловъ, необходимыхъ для кодификаціи степныхъ законовъ. При этихъ работахъ обнаружилось, что въ западныхъ областяхъ Сибири, особенно же въ Томской губерніи, инородцы, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, настолько цивилизовались, что какихъ либо своеобразныхъ обычаевъ у нихъ уже не было, а проектъ Омскаго комитета, собравшаго нѣкоторые обычаи киргизовъ, остался безъ движенія [2]).

Главная работа была произведена двумя комитетами—

[1]) Сводъ степныхъ Законовъ (1836 г.), приложеніе IV (по даннымъ ясачныхъ комиссій).

[2]) Обозрѣніе истор. свѣдѣній о Сводѣ степ. Законовъ, стр. 21.

Иркутскимъ и Красноярскимъ. Иркутскій собралъ значительное количество письменныхъ показаній инородцевъ, за подписями или печатями старшинъ различныхъ наименованій (тайшъ, зайсановъ, шуленгъ и пр.) и различныхъ племенъ. А именно: отъ бурятъ округи иркутской поступили показанія по вѣдомствамъ: идинскому (12 родовъ), тункинскому (12 родовъ), балаганскому, верхоленскому (10 родовъ), кудинскому; округи верхнеудинской: отъ 11 хоринскихъ родовъ, отъ 10 селенгинскихъ родовъ; отъ тунгузовъ Иркутской губерніи поступидо два документа: 1) показанія начальника тунгузскихъ родовъ князя Гантимурова и 2) положеніе составленное 15 родами. Въ Якутской области удалось составить собраніе якутскихъ обычаевъ и преданій [1]). Всѣ эти собранія обычаевъ въ настоящее время напечатаны проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ его «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» (Варшава 1876 г.) по рукописи, судьба которой будетъ изложена ниже. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что показанія инородцевъ, помѣщенныя въ этомъ Сборникѣ—именно тѣ, которыя были пересланы впослѣдствіи въ Петербургъ и легли въ основаніе Свода степныхъ Законовъ. Въ этомъ убѣждаетъ уже какъ то обстоятельство, что всѣ ссылки подъ статьями Свода (1836 г.) вполнѣ совпадаютъ съ статьями отдѣльныхъ сводовъ обычаевъ, такъ и другое, что тѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ ихъ видѣ, которыя даны въ Сводѣ степныхъ Законовъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ напечатаннымъ въ книгѣ проф. Самоквасова сборникамъ.

Что же касается Красноярскаго комитета, то онъ поступилъ иначе. Онъ вызвалъ четырехъ депутатовъ изъ числа наиболѣе почтенныхъ инородцевъ отъ родоначалій качинскаго, кайбальскаго, соединенныхъ разнородныхъ племенъ и казильскаго и записалъ словесныя показанія этихъ депутатовъ, а «письменныхъ» ему не удалось раздобыть. Депутаты русскаго языка не знали и поэтому текстъ

[1]) Сводъ степныхъ Законовъ, 1836 г. прил. I.

показаній былъ переведенъ на мѣстный языкъ и прочитанъ переводчикомъ Кузьминымъ, и депутаты признали его правильнымъ [1]). Въ сущности едва ли можно усмотрѣть какое либо существенное отличіе этого порядка отъ принятаго въ другихъ комитетахъ.

Но помимо этихъ матеріаловъ, впослѣдствіи при дальнѣйшихъ кодификаціонныхъ работахъ отнесенныхъ къ разряду «основныхъ», комитеты собрали еще и «вспомогательные». Число этихъ послѣднихъ возросло при дальнѣйшей обработкѣ Свода въ Петербургѣ. Къ разряду ихъ отнесены собранія нѣкоторыхъ нормъ, которыя нельзя возвести къ мѣстному обычному праву. Таковыми были прежде всего кодексы сосѣдней Китайской Имперіи, которыми руководствовались при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ степного права; составители Свода пользовались русскими переводами этихъ кодексовъ. Сюда относятся: Китайское уложеніе 1725 года, Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній, Монгольское уложеніе 1798 года [2]), Уложеніе монгольскаго и калмыцкаго народовъ, постановленное 5 сентября 1640 г. [3]).

---

[1]) Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ степныхъ Законовъ (стр. 33).

[2]) Точныя заглавія этихъ переводовъ слѣдующія: 1) «Китайское уложеніе, перевелъ сокращенно съ Маньчжурскаго языка на россійскій языкъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ маіорскаго ранга секретарь Алексѣй Леонтьевъ», 2 части 1778, 1779 гг. СПБ., въ типогр. Академіи Наукъ. 2) «Уложеніе Китайской палаты внѣшнихъ сношеній перевелъ съ маньчжурскаго Степанъ Литовцевъ», 2 тома, изд. Департамента Народнаго Просвѣщенія 1828 г. (оригиналъ вышелъ въ Пекинѣ въ 1818 году). Монгольскимъ уложеніемъ комитеты пользовались по переводу монаха Іакинфа, помѣщенномъ въ IV части его «Записокъ о Монголіи» 1828 г. Кромѣ того пользовались и рукописнымъ переводомъ соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ этихъ китайскихъ кодексовъ (см. напр., Сводъ, изд. 1836 г. прилож. объясненіе № 14).

[3]) Переводъ этого уложенія былъ впервые сообщенъ членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія гр. П. Б. Шереметевымъ и напечатанъ въ Опытахъ трудовъ этого общества, а затѣмъ перепечатанъ въ Сѣверномъ Архивѣ 1828 г., стр. 258—288, 42—70.

Къ разряду этихъ вспомогательныхъ актовъ были причислены и постановленія русскихъ властей, имѣвшія отношеніе къ быту инородцевъ; таковы, напр., инструкція пограничнымъ дозорщикамъ о разборѣ маловажныхъ дѣлъ, данная отъ Иллирійскаго графа Саввы Владиславича Рагузинскаго въ 1728 году 27 іюня [1]), указъ бывшей верхнеудинской канцеляріи 26 мая 1760 г., указы главнаго иркутскаго правительства 1800 и 1806 гг., печатный экземпляръ иновѣрческаго положенія, изданнаго бывшимъ иркутскимъ правительствомъ 9 августа 1812 г., отчетъ генералъ-губернатора Трескина, матеріалы такъ наз. ясачныхъ коммисій, назначенныхъ въ 1827 году для выясненія основаній ясачныхъ сборовъ и причинъ недоимокъ по этимъ сборамъ, и нѣкоторые другіе. Особенно важнымъ въ ряду актовъ этой категоріи является проектъ положенія о гражданскихъ правахъ монголо-бурятскаго и тунгузскаго ламайскаго духовенства, составленный по иниціативѣ главнаго управленія Восточной Сибири чиновникомъ барономъ Шиллингомъ фонъ Канштатъ, посланнымъ на мѣста [2]).

---

[1]) Инструкція эта была издана по слѣдующему поводу. Савва Владиславичъ Рагузинскій, сербскій выходецъ, оказывавшій Петру Великому различныя услуги, въ 1725 году былъ поставленъ во главѣ посольства, отправленнаго въ Китай для переговоровъ относительно нѣкоторыхъ затрудненій, чинимыхъ русской торговлѣ и для установленій точныхъ границъ между Россіей и Китаемъ. Оба порученія онъ исполнилъ успѣшно; а для проведенія границъ онъ проѣхалъ съ китайскимъ представителемъ черезъ пограничныя области и при этомъ случаѣ издалъ для пограничныхъ дозорщиковъ Фирсова и Михалева инструкціи для разбора маловажныхъ дѣлъ между инородцами. (См. Сѣверный Архивъ 1823 г. № 11, стр. 340). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ имѣются въ цитированной статьѣ Клапрота въ Сѣверномъ Архивѣ (1823) № 9—11; статья эта переведена съ нѣмецкаго, изъ Archiv für Asiatische Litteratur etc); см. также В. А. Уляницкій, Русскіе консульства за границею въ XVIII вѣкѣ, т. I, стр. 139, Соловьевъ: Исторія Россіи (изд. Обществ. Пользы, кн. IV, стр. 1135 и сл.).

[2]) Этотъ проектъ поступилъ въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, а Сибирскій комитетъ, узнавъ о немъ «*случайно*» (Обозрѣніе

Пользуясь такимъ разнообразнымъ матеріаломъ комитеты Иркутскій и Красноярскій составили каждый по проэкту (1824 г.). Однако, Иркутскій комитетъ, куда генералъ-губернаторъ передалъ красноярскій проектъ для соглашенія, нашелъ, что обычаи енисейскихъ инородцевъ мало отличаются отъ законовъ инородцевъ иркутскихъ и якутскихъ. Различія обнаружились только въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ объ опекѣ (7 статей) и о калымѣ, институтѣ, неизвѣстномъ енисейскимъ обычаямъ. Пользуясь этимъ сходствомъ Иркутскій комитетъ соединилъ оба проекта, свой и Красноярскій, въ одинъ и, найдя, что проекты содержатъ нѣкоторыя новшества, т. е. не вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ, намѣченнымъ въ уставѣ 1822 г., представилъ все дѣло въ Петербургъ въ Сибирскій комитетъ. Въ комитетѣ имъ занялся управлявшій дѣлами комитета Александръ Павловичъ Величко и когда дѣло было передано на разсмотрѣніе особой коммисіи (въ 1825 г.) подъ его предсѣдательствомъ, то онъ убѣдилъ коммисію вытребовать съ мѣста всѣ матеріалы и, ознакомившись съ ними, высказался, противъ мнѣнія остальныхъ членовъ коммисіи, за составленіе новаго свода. Гр. Ланской, предсѣдатель Сибирскаго комитета, поручилъ ему тотчасъ же приступить къ работѣ, ибо только по окончаніи такого новаго свода можно было бы рѣшить, что заслуживаетъ предпочтеніе, исправленный-ли текстъ мѣстныхъ проектовъ или этотъ новый (1828 г.). Къ 1831 году были изготовлены б

истор. свѣдѣній, стр. 41), вытребовалъ его къ себѣ. Проектъ составлялся съ тѣмъ, чтобы урегулировать число ламъ и обязанности ихъ къ гражданскому начальству и къ предметамъ влекущимъ гражданскія послѣдствія. Онъ не былъ утвержденъ и вопросы въ немъ затронутые были переданы на разрѣшеніе мѣстныхъ властей (дѣло б. II Отдѣленія 1836 г. № 38а). Ламы были освобождены отъ рекрутской повинности, поэтому многіе инородцы, для избѣжанія службы въ войскахъ, фиктивно записывались въ ихъ число. Отчасти для устраненія этого злоупотребленія и былъ составленъ проектъ положенія, въ которомъ между прочимъ устанавливалось штатное количество ламъ.

частей проекта и по предложеніи Величко предсѣдатель комитета (въ то время кн. Голицынъ) послалъ этотъ проектъ въ Иркутскъ на заключеніе знатока быта инородцевъ, губернскаго переводчика монголо-бурятскаго языка Игумнова. Игумновъ исполнилъ эту работу къ 1832 году, снабдивъ нѣкоторыя статьи проекта объясненіями и примѣчаніями. Но работы по составленію проекта не удалось закончить этимъ, такъ какъ вскорѣ былъ утвержденъ Сводъ Законовъ для Имперіи и пришлось систему проекта примѣнять къ принятой въ Общемъ Сводѣ и дополнять его разными ссылками. Только въ 1836 году былъ окончательно изготовленъ этотъ второй проектъ и съ Высочайшаго разрѣшенія напечатанъ въ 1837 году въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ (всего 50) [1]).

Проектъ 1836 года содержитъ всего 178 страницъ въ листъ. Въ этой редакціи онъ раздѣленъ на 540 §§ (стр. 1—84). Параграфы свода состоятъ изъ текста и ссылокъ на источники. Въ качествѣ таковыхъ чаще всего фигурируютъ заглавія тѣхъ собраній обычнаго права, которыя были присланы мѣстными комитетами, но попадаются указанія на проекты сводовъ, составленные самими комитетами, и отдѣльныя представленія мѣстнаго начальства [2]). Кромѣ того, къ нѣкоторымъ статьямъ прибавлены примѣчанія, объясняющія значеніе отдѣльныхъ словъ и терминовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ или разсужденія, поясняющія, почему редакторъ свода нашелъ возможнымъ придать общее значеніе правилу, упоминаемому въ показаніяхъ одного только племени. Очень многія примѣчанія заимствованы изъ замѣчаній Игумнова, другія — изъ описаній путешественниковъ. Нѣкоторые параграфы содержатъ просто ссылки на статьи Общаго Свода Законовъ, напр. § 323,

[1]) Экземпляръ этого изданія имѣется при дѣлѣ бывшаго II Отдѣленія 1836 г. № 38а; другой имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Китайское уложеніе для монголовъ фигурируетъ въ качествѣ источника §§ 104, 364; Инструкція Рагузинскаго—§ 467.

предписывающій родовымъ начальствамъ, въ предупрежденіе отъ пожаровъ, наблюдать съ точностью правила, предписанныя въ такихъ то статьяхъ устава пожарнаго; этого рода статей не мало. Проектъ раздѣленъ на 6 раздѣловъ: о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, о правѣ инородцевъ на имущества, объ обязательствахъ по договорамъ, о благочиніи въ инородческихъ стойбищахъ, о взысканіяхъ и наказаніяхъ, о судопроизводствѣ. Въ концѣ проекта имѣются «приложенія»: I (стр. 101—102) «обозрѣніе письменныхъ показаній инородцевъ о степныхъ законахъ и обычаяхъ», въ которомъ перечислены заглавія сборниковъ обычаевъ и имена инородцевъ, дававшихъ свѣдѣнія о нихъ; II (стр. 103—118) приложеніе содержитъ «особыя объясненія» по поводу отдѣльныхъ институтовъ и явленій мѣстной жизни; они являются какъ бы оправдательными соображеніями для нѣкоторыхъ §§ Свода. Нѣкоторыя объясненія содержатъ повидимому интересныя данныя; таково, напр., первое, гдѣ сопоставлены свѣдѣнія о брачномъ правѣ инородцевъ, или четвертое, въ которомъ перечислены званія и разряды ламаитскихъ духовныхъ лицъ; свѣдѣнія о нихъ извлечены изъ разныхъ источниковъ. Но другія поражаютъ своею наивностью. Таково, напр., второе, по вопросу о преслѣдованіи звѣря двумя промышленниками. «Для постановленія по сему предмету общаго правила», говорится въ объясненіи, «приняты къ соображенію 12 и 13 §§ Юстиніановыхъ Институтовъ кн. II, разд. I»; трудно однако предположить, чтобы нормы римскаго права въ самомъ дѣлѣ являлись удобнымъ восполненіемъ обычаевъ какихъ нибудь селенгинскихъ или иныхъ бурятъ. Въ качествѣ III приложенія помѣщена обширная (стр. 120—158) выписка изъ статей Общаго Свода Законовъ, вошедшихъ въ составъ Свода степныхъ Законовъ. Здѣсь имѣются выдержки изъ законовъ гражданскихъ, о состояніяхъ, о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ; изъ устава лѣснаго, горнаго, пожарнаго; изъ законовъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ. Въ IV приложеніи сопоставлены

свѣдѣнія о племенахъ кочевыхъ инородцевъ, на которыхъ должно простираться дѣйствіе Свода степныхъ Законовъ и, наконецъ, въ V выписка изъ донесенія Игумнова по вопросу о томъ, на какой языкъ или нарѣчіе кочевыхъ инородцевъ слѣдуетъ перевести Степной Сводъ. Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ этническое происхожденіе отдѣльныхъ племенъ, Игумновъ пришелъ къ выводу, что этотъ Сводъ можетъ быть переведенъ только на монгольскій языкъ.

По мысли Величко слѣдовало въ окончательномъ текстѣ Свода всѣ ссылки на сборники обычаевъ устранить и послѣднія прямо лишить силы, запретивъ вообще ссылаться на нихъ, а статьи Общаго Свода (приложеніе III) ввести въ текстъ; кромѣ того, слѣдовало, какъ онъ полагалъ, выяснить по окончаніи всѣхъ работъ насколько Сводъ пригоденъ для «ловцовъ», т. е. бродячихъ инородцевъ Охотскаго края.

Въ печатномъ видѣ проектъ былъ посланъ на ревизію въ Сибирь; оттуда примѣрно черезъ 15 мѣсяцевъ, въ 1838 г. были присланы многочисленныя замѣчанія отъ различныхъ учрежденій. При обсужденіи проекта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спрашивали мнѣніе и инородцевъ. Но за это время послѣдовала нѣкоторая перемѣна въ судьбѣ центральныхъ учрежденій, вѣдавшихъ это дѣло—въ началѣ января 1838 года Сибирскій комитетъ былъ упраздненъ и кодификація степныхъ законовъ была передано во II Отдѣленіе, куда былъ прикомандированъ и Величко въ качествѣ редактора Степного Свода. Замѣчанія мѣстныя были переданы на критику Величко, но, вопреки установившейся во II Отдѣленіи для подобныхъ случаевъ практики, эти замѣчанія и поясненія редактора не были переданы на обсужденіе какого либо особаго комитета въ составѣ II Отдѣленія. Кромѣ Величко съ ними имѣлъ дѣло только еще одинъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ, который оказался во всемъ солидарнымъ съ Величкой. Послѣдній подвергъ замѣчанія весьма суровой критикѣ—изъ 348 онъ принялъ во вниманіе только 17.

Обработанный имъ окончательный проектъ былъ отпеча-

танъ въ 1841 году (въ количествѣ 100 экземпляровъ), причемъ въ немъ были произведены намѣченныя уже раньше измѣненія текста 1836 года, т. е. были выключены всѣ подстатейныя ссылки и въ текстъ введены статьи Общаго Свода. Вслѣдствіе этого очень увеличилось число параграфовъ—вмѣсто 548 въ первомъ изданіи, во второмъ оно составляетъ 802 [1]). По существу же, какъ отмѣтилъ самъ редакторъ, особаго различія между обоими изданіями нѣтъ, различія касаются только формы. Къ проекту были приложены въ отдѣльномъ томѣ «Пояснительныя примѣчанія» [2]).

[1]) Проектъ 1841 годъ подъ заглавіемъ «Сводъ Степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири». СПБ. въ типографіи II Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи отпечатанъ въ 4-ю долю листа. Экземпляръ его имѣется въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета.

[2]) «Пояснительныя примѣчанія къ Своду Степ. Зак.» состоятъ изъ 6 «статей»—частей (каждая съ отдѣльной пагинаціей). I—наиболѣе обширная содержитъ Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ степн. Зак. (83 стр.); въ немъ изложена исторія кодификаціонныхъ работъ до 1841 года; впрочемъ, подлинныя дѣла даютъ большій матеріалъ, чѣмъ Обозрѣніе. II—соотвѣтствуетъ первому приложенію къ проекту 1836 года, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о монголо-китайскихъ уложеніяхъ. Къ III отнесены объясненія и примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ проекта, въ изданіи 1836 г. помѣщенныя прямо подъ статьями; нѣкоторыя поясненія добавлены на основаніи замѣчаній мѣстныхъ властей. Въ IV имѣется статистическое обозрѣніе кочевыхъ племенъ Восточной Сибири, изъ котораго можно почерпнуть малоправдоподобныя по своей точности данныя, напр., узнать, что въ иркутскомъ округѣ у бурятъ имѣлось юртъ войлочныхъ до 19.695 и собакъ охотничьихъ до 1.653 и т. п. Въ ст. V (предварительныя соображенія на какой языкъ или нарѣчіе кочевыхъ инородцевъ Вост. Сиб. можетъ быть переведенъ Сводъ степн. Зак.) повторены разсужденія Игумнова и помѣщены новыя бывш. совѣтника Якутскаго областного правленія Попова, доказывавшаго, что Сводъ можно перевести и на якутскій языкъ. Наконецъ въ VI имѣется словарь мѣстныхъ словъ, вошедшихъ въ Сводъ степн. Зак. и въ пояснительныя примѣчанія къ сему своду. Этотъ словарь напечатанъ съ дополненіями въ ст. Ѳ. Буссе «Списокъ словъ бытового значенія» и т. д. въ VI томѣ Записокъ Импер. Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи (1880 г.). Экземпляръ Пояснительныхъ примѣчаній имѣется въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ не нашли возраженій противъ этого проекта и съ Высочайшаго согласія онъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ. Но Департаментъ Законовъ, повидимому, не былъ склоненъ заниматься сложной работой по провѣркѣ проекта, да и не обладалъ нужными для этого средствами, и въ виду этого переслалъ его на предварительное заключеніе министра юстиціи (октябрь 1841) [1]). Со стороны министерства юстиціи, а также, на этотъ разъ, и внутреннихъ дѣлъ [2]), какъ весь проектъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и отдѣльныя постановленія встрѣтили очень суровую критику. При критикѣ отдѣльныхъ статей было указано на неопредѣленность выраженій, на неумѣстность и двусмысленность ихъ, на многословіе, неполноту и даже противорѣчія отдѣльныхъ правилъ. Однако эти редакціонныя замѣчанія оказались не особенно сильными, потому что, какъ указало II Отдѣленіе въ своемъ отвѣтѣ, много такихъ неудачныхъ статей было дословно заимствовано изъ Общаго Свода Законовъ, а въ другихъ случаяхъ неясность объяснялась неправильной разстановкой запятыхъ, порядка словъ и пр. За то общія соображенія, выдвинутыя противъ проекта Свода, были тѣмъ болѣе вѣскими. А именно, въ нихъ было указано на то, что основной матеріалъ, изъ котораго созданъ Сводъ, внушаетъ сомнѣнія. Свѣдѣнія присланныя комитетами не давали увѣренности въ томъ, что мѣстные обычаи записаны точно и формулированы въ сборникахъ съ достаточною полнотой. Особенно подозрительными показались данныя, собранныя Красноярскимъ комитетомъ [3]). Во всѣхъ сборни-

---

[1]) Арх. Госуд. Сов. дѣла Деп. Законовъ 1841 г., № 57.

[2]) Проектъ пересланъ былъ туда министромъ юстиціи.

[3]) Къ матеріаламъ Красноярскаго комитета съ нѣкоторой подозрительностью отнеслась и первая коммисія (1825 года) подъ предсѣдательствомъ Величко. Обозрѣніе истор. свѣд. о Сводѣ Степныхъ Закон., стр. 35. Какъ уже отмѣчено выше, комитетъ записалъ словесныя показанія депутатовъ отъ инородцевъ.

кахъ министерства не нашли ни достаточной ясности ни единства, «ни юридическаго несомнѣннаго достоинства народныхъ судебныхъ обрядовъ, безъ котораго нельзя придавать имъ силы закона». Далѣе, указывалось на то, что въ Сводѣ устанавливались нерѣдко единыя правила для различныхъ племенъ. Напр., родство у разныхъ племенъ исчислялось различно, а связаны были съ нимъ одинаковыя послѣдствія. Отмѣчался также странный по своей разнородности составъ вспомогательныхъ источниковъ, гдѣ наряду съ учеными изслѣдованіями и замѣтками путешественниковъ фигурировали переводы монгольскихъ и китайскихъ кодексовъ. Указывали наконецъ на то, что проектъ создавалъ сложный письменный порядокъ судопроизводства, не пригодный для быта инородцевъ, что онъ входилъ въ излишнюю регламентировку мелочей ихъ жизни и вводилъ изъ общаго законодательства совершенно излишнія детали, распространяя на кочевниковъ множество статей, напр., изъ законовъ о мѣрахъ благоустройства. Однимъ словомъ, проектъ являлся не столько выраженіемъ существовавшихъ обычаевъ, сколько новымъ уложеніемъ для инородцевъ, недостаточнымъ для племенъ уже затронутыхъ культурой, и стѣснительнымъ для отставшихъ.

Но редакторъ Свода, Величко, не сдавался. Въ отвѣтъ на замѣчанія министровъ онъ написалъ очень пространныя объясненія, стараясь опровергнуть каждое возраженіе въ отдѣльности. И если по отношенію къ нѣкоторымъ ему это и удалось сдѣлать, то противъ главнаго пункта— указанія на весьма вѣроятную неполноту и неточность сборниковъ обычнаго права — онъ могъ возразить только то, что всѣ письменныя показанія подписаны инородцами, что устныя удостовѣрены мѣстнымъ начальствомъ и что едва ли можно ожидать отъ новой попытки въ этомъ направленіи болѣе солидныхъ результатовъ. Не могъ онъ также оправдать и обширныя заимствованія изъ Общаго Свода. Громадная записка Велички (около 970 стр.) была представлена въ Государственный Совѣтъ, но тамъ успѣха

не имѣла. Департаментъ Законовъ согласился съ министромъ юстиціи относительно шаткости источниковъ Свода, обратилъ вниманіе на отмѣченное также министрами несоотвѣтствіе уголовныхъ законовъ, сочиненныхъ для этихъ степныхъ областей съ подготовляемымъ новымъ уложеніемъ о наказаніяхъ, которое должно было получить силу во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, и вернулъ все дѣло во II Отдѣленіе для того, чтобы оно пришло къ соглашенію съ министромъ юстиціи по спорнымъ вопросамъ и согласовало бы проектъ Степнаго Свода съ проектомъ уложенія о наказаніяхъ [1]).

Это сужденіе Департамента рѣшило судьбу кодификаціи степного права. Первое время еще продолжались во II Отдѣленіи работы по согласованію Степнаго Свода съ уложеніемъ о наказаніяхъ, но онѣ, повидимому, дѣлались вяло, о какихъ нибудь попыткахъ провѣрки обычаевъ или спорахъ съ министромъ юстиціи въ дѣлахъ слѣда нѣтъ. Затѣмъ весь личный составъ II Отдѣленія былъ привлеченъ послѣ утвержденія Уложенія о наказаніяхъ къ согласованію съ нимъ Общаго Свода и вскорѣ—въ 1846 году—главный защитникъ Степнаго Свода Величко покинулъ службу во II Отдѣленіи. Дѣло о Степномъ Сводѣ стало переходить отъ одного чиновника II Отдѣленія къ другому: въ октябрѣ 1845 г. оно было поручено Старцеву, потомъ въ мартѣ 1846 г. было передано Губе, потомъ опять Старцеву. Оставалось, въ сущности, только оффиціально похоронить его, а къ этому вскорѣ представился удобный случай. На время отсутствія главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Д. И. Блудова, завѣдываніе Отдѣленіемъ поручалось обыкновенно барону М. А. Корфу. Такое порученіе получилъ Корфъ и въ 1847 году и, просматривая списокъ нерѣшенныхъ дѣлъ, заинтересовался Степнымъ Сводомъ. 17 мая 1847 года ему была представлена

---

[1]) Арх. Гос. Сов. дѣло Департ. Законовъ 1843 г. № 131. Въ проектѣ Свода было до 175 статей карательнаго содержанія.

(Старцевымъ) справка объ этомъ дѣлѣ, а 27 мая Корфъ вступилъ въ переписку съ министромъ юстиціи о дальнѣйшей судьбѣ этого предпріятія. Корфъ намѣтилъ три возможныхъ вопроса, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло то или иное направленіе дѣла кодификаціи степныхъ законовъ, а именно—удовлетворителенъ ли имѣющійся проектъ Свода, можно ли составить лучшій и, наконецъ, необходимо ли вообще составленіе письменнаго изложенія степныхъ обычаевъ. Корфъ призналъ себя убѣжденнымъ доводами министра юстиціи гр. Панина о неудовлетворительности проекта и съ своей стороны привелъ рядъ принципіальныхъ соображеній противъ изданія вообще какого либо свода для инородцевъ. Онъ отмѣтилъ, что введеніе Свода могло бы только повредить успѣху предпринимаемыхъ правительствомъ усилій къ устройству Сибири; указывалъ на то, что обычный аргументъ объ измѣнчивости и жестокости изустно передаваемаго права—не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ неизвѣстно, будутъ ли какія нибудь перемѣны къ лучшему въ связи съ изложеніемъ мѣстныхъ обычаевъ на письмѣ. Изданіе Свода вызвало бы, какъ онъ думалъ, только сутяжничество среди населенія и усилило бы зависимость неграмотныхъ и незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ инородцевъ отъ чиновниковъ. Корфъ съ своей стороны предлагалъ передать на заключеніе мѣстныхъ властей обсужденіе вопроса о желательности изданія Свода. Разумѣется, эти мысли Корфа встрѣтили полное сочувствіе министра юстиціи и вслѣдствіе этого Корфъ представилъ ихъ Государю, испрашивая разрѣшеніе представить свои предположенія въ Государственный Совѣтъ. Государь положилъ на этомъ докладѣ резолюцію—«справедливо» (12 мая 1847 г.) и Государственный Совѣтъ согласился съ этимъ предположеніемъ Корфа. Мѣстныя власти также высказались противъ изданія Свода. Мѣстный чиновникъ Пятницкій, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири (бывшій иркутскій гражданскій губернаторъ), знакомый со Степнымъ

Сводомъ, который ему пришлось разсматривать во второмъ изданіи, когда Сводъ находился на ревизіи мѣстныхъ властей, указалъ на то, что и «благомыслящіе» инородцы противъ изданія Свода, опасаясь отъ него только усиленія власти чиновниковъ. Инородцы, какъ онъ сообщалъ, повинуются своимъ родовымъ властямъ, какъ отцамъ, и присутственнымъ мѣстамъ рѣдко приходится имѣть дѣло съ ихъ тяжбами—къ правительственному суду обращаются только подгородніе. Испр. долж. генералъ-губернатора Муравьевъ также не нашелъ необходимымъ торопиться съ изданіемъ Свода и обѣщалъ поднять вопросъ о немъ впослѣдствіи, когда ближе ознакомится со всѣми частями управленія [1]). Но къ этому вопросу онъ не возвращался; кодификація степныхъ обычаевъ покончилась на этомъ. Когда въ 1849 году якуты барагонскаго улуса обратились въ Петербургъ съ ходатайствомъ объ изданіи Степного Свода, то эта ихъ просьба была оставлена безъ послѣдствій [2]).

Другой судьбы проекта Свода Степныхъ Законовъ и ожидать не слѣдовало. Достачно прочесть проектъ 1841 г., чтобы убѣдиться, насколько онъ далеко удалился отъ основной цѣли кодификаціи, намѣченной въ уставѣ 1822 г. Результатомъ отдѣлки проекта явилось созданіе какой то справочной книги для *кочевыхъ* инородцевъ, племенъ, стоявшихъ едва ли не на самой первобытной ступени культуры. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что изъ 802 статей его всего 379 статей было заимствовано изъ сборниковъ, доставленныхъ съ мѣстъ, а 131 статья содержала «дополнительныя и переходныя» правила, да 294 были взяты изъ Общаго Свода. Незамѣтно, путемъ якобы «кодификаціи», измѣнился бы весь юридическій строй жизни инородцевъ,— если бы конечно можно было ожидать, что Сводъ дѣй-

[1]) См. письмо гр. Панина къ Блудову отъ 31 декабря 1848 (дѣло бывш. II Отдѣленія 1838 г. № 36а).

[2]) Дѣло бывш. II Отдѣленія 1849 г. № 73, письмо Киселева къ Блудову.

ствительно былъ бы примѣненъ къ жизни. Кочевые инородцы изъ этого Свода своихъ «Степныхъ» Законовъ узнали бы напр. различіе между имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, родовымъ и благопріобрѣтеннымъ (ст. 134—137); узнали бы про отвѣтственность за убытки, вызванные подтопленіемъ пашенъ запрудной водой на мельницахъ (ст. 193); пришлось бы имъ раздумывать надъ различными видами доказательствъ судебныхъ (ст. 712—794) и надъ квалификаціей отдѣльныхъ видовъ обидъ, разграничивая напр. обиду письмомъ (ст. 541) отъ распространенія пасквиля (ст. 546). Однимъ словомъ, имъ пришлось бы имѣть дѣло со сложными юридическими институтами изъ самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ права, едва ли привычными имъ при ихъ бродячемъ образѣ жизни.

Понятно также и то недовѣріе, которое внушали сборники обычаевъ, составленные въ Сибири. Вся цѣнность ихъ зависѣла отъ того, какой методъ былъ примѣненъ при ихъ составленіи; отъ кочевниковъ нельзя было ожидать самостоятельнаго и связнаго изложенія абстрактныхъ нормъ, да и вообще какого-либо умѣнія отграничить правила юридическія отъ иныхъ, умѣнія формулировать ихъ точно, или хотя бы критически провѣрить предложенную редакцію. Слѣдовательно при такомъ собираніи нормъ все сводилось къ желанію мѣстныхъ властей дѣйствительно разобраться въ обычномъ правѣ и къ умѣнію ихъ задавать конкретные и частные вопросы и на отвѣтахъ строить, не извращая ихъ, систему общихъ правилъ. Если нѣтъ увѣренности въ томъ что эти условія есть на лицо, то нельзя провести границы между творчествомъ и субъективнымъ воззрѣніемъ редактора и сырымъ матеріаломъ, который онъ долженъ доставить. Насколько сложна и деликатна работа подобная той, которую должны были продѣлать комитеты, можно легко убѣдиться обратившись къ разсмотрѣнію тѣхъ программъ, которыя разработаны въ настоящее время для научнаго собиранія точныхъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ. Такова напр. «программа для собиранія на-

родныхъ юридическихъ обычаевъ», изданная географическимъ обществомъ подъ редакціей С. В. Пахмана [1]). Въ ней имѣется 408 вопросовъ, т. е. намѣчены такія черты институтовъ, которыя необходимо уяснить для правильнаго освѣщенія ихъ и указано, какъ должно формулировать вопросъ лицо, собирающее матеріалы, чтобы даже случайно не подсказать отвѣта опредѣленнаго содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уловитъ характерныя особенности данной системы обычнаго права. Не менѣе интересны этого рода программы, выработанныя изслѣдователями быта дикарей, обитающихъ въ такихъ мѣстностяхъ, куда не проникла еще европейская культура (въ Африкѣ, Полинезіи и пр.). Изслѣдованіе правовыхъ явленій этихъ племенъ невозможно безъ обозрѣнія вообще всего соціальнаго строя жизни дикарей, а для всесторонняго освѣщенія его въ программѣ 1900 года намѣчено свыше 1500 вопросовъ [2]). Почти всѣ вопросы весьма конкретны и дробны, такъ что на основаніи только всей суммы отвѣтовъ можно получить цѣлостную и точную картину быта и нравовъ даннаго племени. Всякая обработка такого первоначальнаго матеріала при его собираніи очень опасна,—вмѣсто оригинала получится толкованіе, стилизированное такъ или иначе, въ зависимости отъ школы или дарованій редактора. Потому то, далѣе, во всѣхъ программахъ намѣчаются и пріемы допроса тузем-

---

[1]) Записки Географическаго общества по отдѣленію этнографіи, т. 18, 1900 г.

[2]) См. по этому поводу работу S. R. Steinmetz, Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Oceanien. Berlin. 1903, гдѣ имѣется краткій перечень вопросныхъ пунктовъ, и спеціальное собраніе такихъ вопросовъ въ Etnographische Fragesammlung... entworfen von Steinmetz, bearbeitet und erweitert von P. Thurnwald,) Berlin. 1906; оба сочиненія выпущены по иниціативѣ Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftlehre). Въ предисловіяхъ къ этимъ работамъ указана и нѣкоторая литература вопроса. См. также перечень программъ для собиранія обычаевъ въ Систематическомъ указателѣ русской литературы по гражданскому праву, А. Ф. Поворинскаго (1904 г.) стр. 77.

цевъ, именно съ тѣмъ, чтобы наблюдатель могъ сохранить полную объективность [1]).

Необходимость такой программы, хотя бы даже и очень элементарной, была сознана и въ Сибири когда въ 1864 году возникъ въ средѣ Иркутскаго статистическаго комитета вопросъ о научномъ собираніи свѣдѣній о правѣ инородцевъ. Такая программа была разработана—правда въ очень общихъ чертахъ—членомъ комитета М. И. Павлиновымъ [2]).

Что же касается сборниковъ, присланныхъ изъ Сибири, то относительно ихъ не имѣется данныхъ, освѣщающихъ методу ихъ составленія. Подписи и печати, къ нимъ приложенныя, удостовѣряютъ только подлинность экземпляровъ, но не даютъ никакой гарантіи соотвѣтствія содержанія ихъ тому праву, которое существовало въ самомъ дѣлѣ. Очевидно, инородцы отвѣчали на какіе то вопросы, но нельзя утверждать, чтобы вопросы эти хотя бы только исчерпывали все юридически существенное.

Редакторъ Степного Свода, однако, не ограничивался простымъ повтореніемъ присланнаго матеріала—онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сознательно дополнялъ и измѣнялъ обычаи. Напр., найдя, что обычаи неясно опредѣляютъ наслѣдственныя права незамужнихъ дочерей при братьяхъ, онъ счелъ необходимымъ заново нормировать этотъ вопросъ и предоставилъ имъ всѣмъ $^1/_4$ наслѣдства—такой наслѣдственной доли мѣстный обычай имъ не предоставлялъ [3]).

---

[1]) См. по этому поводу также замѣчанія С. В. Пахмана въ предисловіи къ указ. выше программѣ Географическаго общества.

[2]) Она напечатана въ приложеніи къ № 10 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 г. засѣданіе статистическаго комитета 24 января. Какой успѣхъ имѣло это начинаніе, объ этомъ, къ сожалѣнію свѣдѣній нѣтъ. Что же касается самой программы, то составлена она осмысленно. Въ обязательственномъ правѣ отмѣчены вопросы о такихъ институтахъ, которые дѣйствительно встрѣчаются въ мало развитомъ оборотѣ, какъ, напримѣръ, кабала; для составителей Степного Свода вопросъ о ней и не возникалъ.

[3]) См. «Пояснительныя примѣчанія», статья III, объясненія къ ст. 289—293.

Однимъ словомъ, правильно поступили министерства и Государственный Совѣтъ, не признавъ проектъ 1841 г. за точное выраженіе существовавшаго права; и текстъ 1836 г. таковымъ признанъ быть не можетъ. Для науки наибольшую, относительно, цѣнность представляютъ все таки сборники обычаевъ, составленные на мѣстахъ. Какъ уже отмѣчено выше, списки ихъ были въ рукахъ у Губе, очевидно, они остались у него послѣ прекращенія работъ по Своду, вмѣстѣ съ прочими бумагами его были пріобрѣтены Варшавскимъ Университетомъ и благодаря просвѣщенному вниманію проф. Самоквасова были опубликованы.